

Владимир Волковец

84(2Рос=Рус)6

К В67

Одно -
единственное...

Владимир Волковец

Одна -
единственное...

-0157159-

Государственная
библиотека
Югры

КО

г. Советский
2005 год

ББК 84 (2 Рос=рус)
В 67

В новую книгу поэта из г. Советский, наряду с ранее опубликованными, вошли стихи написанные в последние годы.

Автор выражает сердечную благодарность главе МО Советский район Андрею Николаевичу Расковалову за внимание к литературному творчеству, за помощь в издании книги.

ISBN 5-94007-020-5

©ГП ХМАО «Советская типография», 2005 г.

©Владимир Волковец

Вошел как по ступеням:
Трава, подлесок, лес.
И в шелесте весеннем
Распахнуто исчез.

И превратился в шорох.
Ни памяти, ни бед,
Ни боли, без которых
Меня на свете нет.

И все, что мне хотелось
Сказать сегодня вам,
Уже скворцами пелось
По утренним ветвям.

И все, о чем смолчали
Вчерашние слова,
Сегодня точно знали
Роса, цветы, листва...

Когда б и вы могли бы
Прийти сюда сейчас,
То птицы, травы, липы
Нам объяснили б нас.

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Еще одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Еще одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба
И вывихнуты рамы.
Еще одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша –
Ответы непростые.
Еще одна душа
Заплачет о России.

ПОЛНОЧЬ

В ажурной клетке башенного крана
Ночует совоокая луна.
Внезапно отстрекочет пилорама,
И станет нестерпимой тишина.

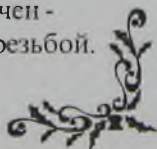
И полночь бестелесно и бессильно
Падет наплывом сырости и мглы.
И только вскинет сварочные крылья,
Не в силах оторваться от земли.

СОВЕТСКИЙ

Пятиточья собачьего следа.
Город в инее светел и рыж.
На широком экране рассвета
Треуголки ступенчатых крыш.
Сапоги прохрустели по лужам.
Следом школа бежит, гомоня.
Просыпается город, разбужен
Нетерпением рабочего дня.
Над седыми вершинами кедров
Новостройки в короне лучей.
Я приветствую город поэтов,
Лесников, машинистов, врачей...
Сколько раз порывался с вокзала
Укатить черт-те знает куда,
Но тайга на дороге вставала
И туманно слезилась Конда.
Не уехал и вот оглянулся,
Очарованный плеском аллея,
Напряженным биением пульса
Грузоносной дороги твоей.
Ты давно и знаком, и привычен.
Говорю, как рабочий - судьбой
Я к тебе потаенно привинчен -
Самой внутренне цепкой резьбой.

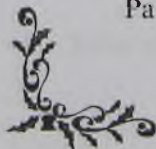
С. Юрченко

Праздник оттепели первой.
Пахнет яблоней и вербой,
Банным сумраком суббот.
С пива начали, а белой
Подытожили... и вот:

Перепахканы, небриты,
Домочадцами забыты,
Побредем домой тишком.
Под рябиной у калитки
Оботрем лицо снежком.

Озаренно протрезвеем.
Сядем в сумраке весеннем
Между верб, поленниц, звезд,
Наслаждаясь единеньем
С миром, что желанно прост.

Загремит посуда в доме,
Где жена, как вор в законе,
Что ни сделает – права...
Пляшут капли на ладони,
Рассыпаются слова.

Пахнет сеном сырым и дорогами.
И подлески на склонах бугра
Перекидываются сороками,
Как снежками зимой детвора.

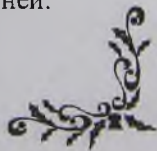
Закатом леса опоясаны,
Стоят – снегопад наготове.
Висят кружевные балясины
От синего до золотого.

Величьем павлиньего инея
Послушно гордилась, покуда
Печаль одиноко таимая
Не выболела, как простуда.

Ослабла погода громкая –
Холодная власть над тобою.
Снежки суматошные комкая,
Решил не сдаваться без бою.

Но смех в неожиданном облике
Тихони моей безмятежной
Откликнулся просишью в облаке,
А в сердце – тоскою нежной.

Теперь бы хватило мужества
Нести поражения терпимей.
И рушится, рушится, рушится
С деревьев растерянный иней.

Засохли старые березы,
Обвисли кроны -
Ровнял обочины бульдозер,
Подрезал корни.
А над прохожими скрипели
С тех пор, сутулясь:
Однажды листья улетели
И не вернулись...

В МАШИНЕ

Выплеск лужиц.
Льдистый хруп.
Март грозил распутицей.
Кутались в один тулуп
В кузове с попутчицей.

Намокал бараний мех
Над губами теплыми.
И слетал с деревьев снег
Кружевными хлопьями.

Можно было песни петь,
Веселеть от скорости,
Но не смог преодолеть
Приступ нежной робости.

Может, к лучшему: когда
Нас приезд обрадует,
Обжитая теснота
Распадется надвое.

РАННЯЯ ВЕСНА

Там жмурит мать-и-мачеха свои
Желтки кошачьи, там еще спросонок,
Как нитки, замотались муравьи,
Никак не разберут своих иголок.
И сохнет настороженная хмарь,
И тишина стоит, как по отвесу,
И беззащитно царствует глухарь,
И белый заяц мечется по лесу.

Двустволка за плечом
И патронташ на поясе.
Дорога над ручьем,
Туманный лес,
Ну что еще? –
Мне б услышать зарю,
Как свет по травам стелется.
Да как по глухарю
Мне выстрелить осмелиться?
Пусть в предках у меня
Охотников не значится
И друг клянет меня,
Что все испорчу начисто,
Я все-таки смогу.
Я ни за что не выстою.
Как только боль сморгну,
Да ветку отогну,
Да муху отпугну,
Да паука смахну,
Смогу, смогу, смогу...
И все-таки не выстрелю.

ЕЛЬ

Осанистая ель,
Живая форма башен,
Которыми украшен
Не только русский кремль.
В ней готика и в ней
Верхи китайских пагод...
Влезал в густую память
По лесенке ветвей.
В ней испокон живет
Тех кадров вереница,
Где взмахивает птица,
Идущая на взлет.
Шныряли в рукавах
Клесты без передышек
И шел от свежих шишек
Медовый перезвук.
А зацветал апрель,
И в сумерках весенних
Огромный муравейник
Высиживала ель.

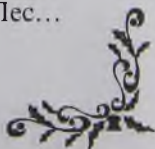
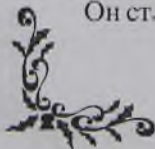
Бескровное дерево вскрикнет,
Качнется – не сдвинуть стопу –
К соседнему пьяно приникнет
И ляжет длиною в судьбу.

Обломки к огню перетащим –
От мерзкой погоды знобит.
Нет-нет да глаза потаращим
Туда, где прореха стоит.

Там некто сквозяще белесый
На рваном ветру трепетал –
То вскидывался до созвездий,
То к самой земле припадал.

Накрыло густым снегопадом
И веки сомкнулись на миг...
Наутро проснулись, а рядом
Сидит седовласый старик.

И сыплет в огонь незабвенный
То шишки, то хвойную взвесь.
-Откуда и кто ты, почтенный?
Он стал подниматься: я - Лес...

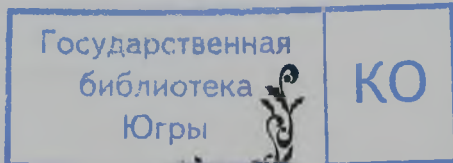

Рассеянно сыплет
Закат розоватый
Снежинки на липы,
На вербы из ваты.

На солнце сверкая,
Звенят серебристо.
Ловлю их руками –
Холодные искры.

Ложатся узором,
И тают, и тают,
Как мысли, которым
Тепла не хватает.

Ласточки по берегу стелились.
И пропали – дух перевести?
Трещины на пне остановились
Стрелками часов на девяти.
Потакая девичьим замашкам,
Ливень в сосняке не переждя,
Побежали к дому, по ромашкам
В сумраке тропинку находя.
Яркая, облепленная платьем.
Посреди судьбы остановясь,
Онемела в грусти непонятной
И опять рванулась, рассмеясь.
Что это? Игра или отместка
За мою несмелость? Погоди,
Если так, горька твоя насмешка
И лукавый вызов: догони!
Догоню и впутаются в травы
Волосы, пропахшие дождем...
Я имею мужество и право
Знать любовь, которою рожден.

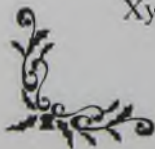
Иней выбелил осоку.
Не деревья – кружева.
Трактор свежую дорогу
Через поле прожевал.

И пока светает смутно,
Гулко топаем впотьмах
По морозным комьям, будто
Валенки на каблуках.

Я да пять худых девчонок –
Все шагаем в 3-й «б».
Это время как спросонок
Вспоминается в судьбе.

А девчонки малы ростом.
Да и я не выше их.
Но тому, кто задерется,
Бью без промаха под дых.

В школе держимся оравой.
Я за каждую слежу.
И в ущерб учебе, славой
Хулигана дорожу.

В зеленой
Картофельной грядке,
Где куры изрыли межу,
Виновный
В мальчишеской драке,
От мамы скрываясь, лежу.
Лежу и на оклики мамы
Молчу.
К чернозему щека.
А клубни толкают в бока
Сердитыми кулаками.

ВОЗРАСТ

Дождевые струи
На конце со вспышкой.
Помнится мальчишкой
За руку сестру - и
Босиком по луже
Пляшем бестолково...
Ничего другого
Не припомнить лучше.
Как на солнце масло,
Глина под ногами...
Озорство с годами
Нехотя угасло.
Но случится резво
Брызнуть проливному,
Босиком из дому
Выбежал бы в детство,
На гудящий воздух!
Только дочка рядом
Бабушкиным взглядом
Стережет мой возраст.

Громкий мороз. Путь
Узкие зеркала.
Помню, всегда ждала
С чайником на плите.

Пахла сыновьим сном
Теплая темнота.
И замирала звезда
За угловым окном.

Нынче его не ждешь –
Намертво разошлись.
Разве, увидев жизнь,
Ты глаза отведешь?

Есть и зовет еще
Горькая страсть – умчать,
Заново все начать,
Переиначить все.

Падала в руки звезда.
А поглядела – сын.
Вот и куда ты с ним?
И без него - куда?

ВЕСНОЙ НА РЕКЕ

Уже озеркален и кротко расхвоен
Речной солнцепек, и заметно подмок.
В холодной испарине жадных промоин
Готовит вода за подвохом подвох.
То ржавью набухнет тропа посредине,
То трещиной сдвинет недавний привал,
То окуня на отколовшейся льдине
Теченьем подхватит, пока ты зевал.
И дышит сквозь лунки разбуженный омут,
И, как в телескопы, глядит на луну.
Он полуметровой крышкой прихлопнут,
В нем рыба на ощупь гуляет по дну.
Обвальнее снег, и обильнее солнце.
Заставит весна потесниться Сибирь,
Когда разгребая заторы и сосны,
Привстанет река и расхлынется вширь.
Шальная моторка в потемках воткнется
В густое скопление звезд и коряг
И высь покачнется, и глубь содрогнется,
Застынешь:

взлетать или падать? – во мрак.

Зеленые выплески листьев.
Сырая весенняя сонь.
Попробуй, худое замыслив,
Незрелое деревце тронь.
Потом, если все-таки честно
Слагаешь простые слова,
Ты недосчитаешься песни
Синицы, дрозда, соловья...

ПРИЯТЕЛЬ

Всю жизнь упрямо колесит
По северному краю.
Ничем всерьез не дорожит
И чем живет, не знаю.
До денег вроде не охочь,
Нет ни жены, ни дома.
В дороге – день,
В общаге – ночь.
Характер крепче лома.
Какой же грех его гнетет,
Что он на сердце прячет,
Когда нещадно водку пьет
И песню горькую поет,
И втихомолку плачет?

Из лета, бродя налегке,
Вернутся пустым нелепо.
Просветы в тяжелой тайге
Корнями уходят в небо.
Я к людям настолько привык,
Насколько они к деревьям.
Приклеила осень ярлык
Бродяги,

и с недоверьем
Косится грибной народ,
Корзины держа пудово:
А он-то чего несет?
Скажу – потеряю снова.

Март азартно сверкал
Ледяными сколами.
С крыши снег растолкал
На четыре стороны.

Свиристели, давясь,
Дощипали ягоды –
Под рябинами грязь
Розоватой мякоти.

Обходя облака,
В лужах отраженные,
Франтоваты слегка
Робкие влюбленные.

Как знакомо зато
Длится заседание
Старомодных пальто
На сухой завалине,

Между тем, что старо
И весенне молодо,
И слова – серебро,
И молчанье – золото.

В обход – далеко излишне.
Решились пойти на риск.
Как банный, на голенище
Сиял березовый лист.

Темнее гречишного меда
Стояла меж кочек вода.
-Куда ты, не зная брода?
-А черт его знает, куда!

Шагну и по шею рухну
В болотную хлябкую медь.
Но друг протянул мне руку,
А верба – надежную ветвь.

Я вылез – немного с лешим,
А более схож с водяным.
Давно я сроднился с лесом,
Не друг бы – и слился с ним.

Затянуло сырым и тяжелым.
Потому не заметили, как
Загорался и красным, и желтым
В оспяных зеркалах березняк.

А когда у небесной портнихи,
Что сшивала лоскут с лоскутом,
Потерялась иголка, как тихо
Из прорехи пахнуло теплом.

И печалью сменилась тревога,
Непонятной истомой – тоска,
И бессонница дальней дороги
Оказалась внезапно близка.

И досада – судьба не сложилась,
Осень треснула пополам,
Неожиданно не подтвердилась –
Паутина прилипла к очкам.

ПОСЕЛОК

То ли строили так,
То ли почва такая –
Избы вперекосяк,
Вперевалку сараи.

Прямо даже столбы
Не стоят без подпорок.
От какой же гульбы
Расшатался поселок?

Я ни с кем не знаком,
Никому неизвестен,
Я вошел в него трезвым,
Выхожу –
 под хмельком.

БОЛОТО

Обобрано, истоптано – живо еще, -
Облизывая клюквины с боков,
Лежит упругошерстное чудовище
На тюфяке спрессованных веков.
К нему сбежались сосны низкорослые
И карликовым ставший березняк,
И облака пузатые и грозные
Вчера к нему спешили натошак.
Из любопытства осень нас забросила
На клюквенную ярмарку взглянуть.
Шагаем по замшелой глади озера,
Где прежде отражался Млечный путь.
Оно вплотную влагою напитано –
Не зачерпни излишек сапогом!
Что слышано, что ведано, что видано –
В мешке его зыбуче-моховом.
И никому – какие тайны собраны? –
Не разглядеть сквозь торфяную тьму.
Кончается откосом во все стороны,
Но речкой начинается в одну.

Бывает, загрузу,
до хвойного простора
Подбросить попрошу
знакомого шофера.
Там от костра черны
снега под сапогами
И золотятся пни
яичными желтками.
Я подойду к сосне,
но угловатый вальщик,
Похлопав по спине,
пошлет меня подальше.
На жилистой ноге
лет сто, а может двести,
Сосна росла в тайге
и не сходила с места.
А в будущей судьбе
стола, двери, указки...
Напомнит о себе
слезою из-под краски.

Водитель простуженно клял бездорожье,
Мальчишка, мазутная гарь над губой.
Саднило прервать его:

 будь я моложе,
С тобой безоглядно б махнулся судьбой.
Распутица схлынет и тяжкие версты,
Где лед на подъеме и грязь до ушей,
Опять окрылят бесшабашьем и звезды
Забрызгают стекла дорожных ночей...

И тут под машиной разверзлось болото,
С небес на кабину обрушился вал
Тяжелой воды...

 - Сволочная работа!

Как он разразился! Как я замолчал!
Мы выбрались к ночи. И снова несемся.
И доброе что-то наладилось в нас:
То вдруг ни с того ни с сего засмеемся,
То примемся клясть бездорожие враз.

ДРОВА

Не успеем, не осилим –
Дружно думали сперва,
До потемок не распилим
Суковатые дрова.
Но бензопилой зубастой
Брату править не впервой:
Выхлоп горечи вихрастой,
Золотых опилок рой.
Оглушительные кряжи
Складываю в стороне
И не удивляюсь даже,
Что они по силам мне.
От сосновых крошек ало.
И прозрачная луна
Красноватым срезом стала
Предпоследнего бревна.
И казалось больше сдюжим,
Завершая дело в срок.
Но когда пилу заглушим,
Тишина повалит с ног.

КАРЛИКОВЫЕ БЕРЕЗЫ

Осень в карликовых рощах
Та же, что в большом лесу -
Листья с заячий горошек,
Паутина на весу.
Как по-взрослому поникли
Деревца, решаясь вброд,
Выйти с веткою брусники,
Горстью клюквы из болот.
Не подняться на откосы
Им из губельного мха.
На своих сестер, березы,
Не смотрите свысока!
Ломки заросли густые,
Цепки ветви – не пролезть,
Но зато в жару какие
Подберезовики здесь!
А на мятном солщегреве
В самом горьком сентябре
Радость тише, грусть добрее,
Справедливей жизнь к тебе.

Снова с августа, почти
До зимы творожной,
Через край лились дожди,
Через мой, таежный.
Замыкались провода
На звезде вечерней.
Искры сыпались тогда
За листвой осенней.
Листья сыпались и мерк
Свет в округе нашей.
А наутро грянул снег
Самый настоящий.
День и ночь,
из тьмы во тьму,
Шел без передышки,
Точно не было ему
Ни дна ни покрышки.

ЧЕТЫРЕ ОСЕНИ...И ПОСЛЕДНЯЯ

Деревья бегут на юг.
И на огородах пусто.
Как невыразимо грустно
По этой причине вдруг.
А тучу исподтишка
Ветер поманит пальцем
И загорит румянцем
Картофельная щека.
Неделю в седой пылице
Рябины тугие грозди.
И заржавели гвозди,
Забытые на крыльце.

Сорвался шелест с дерева,
С рябого сентября.
Глядят дома потерянно,
Не узнают себя.
Ржавеет лист по рытвинам
И воздух невесом.
На повороте бритвенным
Полосонет ледком
И срежет паутинную
Надежду – жить да жить,
Пока тревогу зимнюю
Ни вспомнить, ни забыть.

Поматовела сырость,
Прояснилась вода
И листьями прикрылась,
Не дожидаясь льда.
А ветреное утро
Шершавей кирпича.
И грусть такая, будто
С отцовского плеча.
Поблескивают спицы
В паучьем колесе,
Где стрекоза пылится,
И жизнь на волоске.
Еще мелькнула стая –
Оборванная нить...
И жажду сострадания
Ничем не утолить.

Смех облетел, словно листья.
Стали серьезными лица.
И в глубине твоих глаз
Долгая осень зажглась.
Стали зависимы что-то
Мы от ненастной погоды,

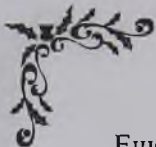

Тягостны серые дни.
Только пройдут и они.
Выяснит душу предзимье,
Но и оно лишь предсинье.
-Осень,- вздохнешь, а сама
Все понимаешь – зима.

Немее предзимье.
И в голосе
Звенит огорченный надлом
Травы, перехваченной в поясе
Стремительно тонким ледком.
Над небом, - рассеянно ивовым
И обморочным - сосняка,
Как двери вагона за именем
Любимой, сошлись берега.
Осталось мятежно и пристально
Глядеть в свою душу и даль,
Пока возвышает, единственно,
Что нам не изменит, печаль.

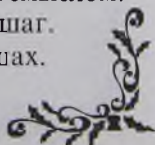
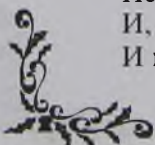

ЕЩЕ

Еще бобы набиты ватой,
Еще с оглядкой вороватой
Туманы пятятся к реке.
И след подушки на щеке.
Еще наполовину с пухом
Они и пополам с испугом
Восторг -

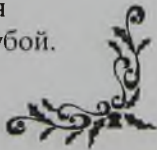
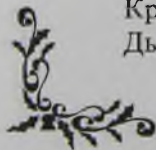
предвестье перемен.
И сам не ведаю, как нем.
Еще горит в глазах веселых,
Заместо солнышка, подсолнух
И в ячеях его пока
Не семя – капли молока.
Еще роса студеной градин.
Еще самим собой не найден.
И в лес зовущая судьба
Всего лишь навсего тропа.
Еще хотят деревья сами
Моими зеленеть глазами,
А слово под ноги упав,
Рассосано корнями трав.
И нету боли без причины.
И от былинки до былины
Тысячелетний путь лежит.
И он еще не пережит.
А день сияет пересвистом,
Неясным, но понятным смыслом.
И, необдумав, сделал шаг.
И ветер засвистел в ушах.

БОБЫЛЬ

А когда один остался,
Самому себе чужой,
Перед миром растерялся –
Ничего нет за душой.
Рассосалась злая память,
Недовольство серых лет,
Мхом оброс тяжелый камень –
Средоточье давних бед.
Ликом вылинял в погоду,
Сердце выстудил насквозь.
И уходит, будто в воду,
В душу брошенная злость.
Равнодушие и смирение
Заселили молью кров.
Расцвело в тебе растение
Без колючек и шипов.
Беззащитна оболочка.
Непогода рвется в дверь.
Нагляделся на цветочки,
Глянь на ягодки теперь.
Заполняет жизнь лесная
Огород и двор пустой.
Кружит ворон, задевая
Дым холодный над трубой.

ИНВАЛИД

Приколачивает пыль
За дворовую площадкой.
На одной ноге – костыль,
На другой – сапог солдатский.
К новостройке тополя
Привезли, свалили кучей.
А на улицах – пора! –
Для весны не будет лучшей!
Ямки выкопал, потом
Деревца, держа неловко,
Засыпает сапогом,
А костыль – его трамбовка.
Оглядел, как лейтенант,
Не без удовлетворенья,
Одноногих тополят
Майского подразделения.
И опять стучит костыль,
И скрипит сапог солдатский.
Стыдно из своих квартир
Выйти некоторым штатским.

ПРИМИРЕНИЕ

Прости, мы оба хороши.
Не дуйся, сделай паузу.
И камень, что упал с души,
Ты не клади за пазуху.

У КОСТРА

Дым и ветер снеговой.
На краю поселка,
Как на свадьбе молодой,
Весело и горько.
Ничего понять нельзя –
От сырого дыма
Или холода – глаза
Щиплет нестерпимо?
Черно-белая весна.
День расчерчен косо.
Что задумалась, жена,
Вытирая слезы?
Или вспомнилась опять
Давняя обида,
Что не может запылать
Наш костер открыто?
Ты молчишь и я не рад.
Дым клубится низко.
Хоть бы слово,
 хоть бы взгляд,
Озорная искра.

Зима, едва в подлесе синем
Сгустился птичий пересверк,
Оставила в гнезде грачином,
Яйцом невыведенным, снег.
И подалась на север, зная
С какою яростью шальной
Весна расхлынется, сжимая
В одно – пережитое мной,
Где одинаково любимы
И вдохновенно сроднены
И дым, и родинка рябины,
И даль, и взгляд моей жены...
О память! Птицей поднебесной
Одновременно мы кружим
И над раскованною бездной,
И отражением своим.

Ночь стоит на полуслове, полумысли,
Как стихи, что я оставил дозревать.
Были строки полуночные да вышли
То ли в поле, то ли к речке погулять.
Сколько времени пропето и пропито,
Поразбросано, попробуй, расскажи...
В небе светит искра божия – спасибо,
Не дает терпеть ни подлости, ни лжи.

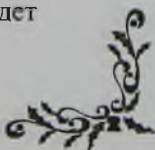
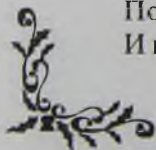

ПОКА

Пока не загрнтован холст
И сквозь него сочится
Молочной зеленью подрост,
И пролетает птица –
Спешишь судьбе наперерез.
И вглядываясь в лица,
Грустишь без повода и без
Причины веселишься.

Пока новорожденный лик
Под истинною кистью
Живого сходства не достиг,
И собственной жизнью
Не зажил, все наверняка
Еще исправить можно.
Хотя от взгляда двойника
Становится тревожно.

Пока не выставлен портрет
В резной, музейной раме,
Не знаешь, как сошла на нет
Краса твоя с годами.
Перед художником народ
Замрет от восхищенья,
Поэт сравненья не найдет
И преклонит колени.

Пока не разглядишь сама
Судьбу свою в портрете,
Тебе не верится весьма,
Что нет тебя на свете -
Есть обрамленный идеал
С очами страстотерпца,
Что красоту твою забрал.
И остановит сердце.

Молочно-пунцовый березовый март
Вмерзал капиллярами в небо.
И ворон
Пугливому эху бросал на расхват
Короткие вскарки и слушал,
Доволен,
Пока широко отзывались круги,
И гасли за облачным великолепьем,
И голову вскидывали рыбаки,
Которыми сумрачный омут облеплен.
Истает весна
И округа в плену
Иных голосов многоцветно очнется.
И эхо,
Что зеркалом только ему
Служило,
На сотни осколков взорвется.

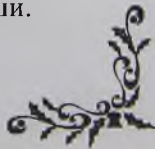
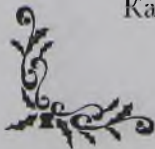
Свежего снега свечение
Перетекало в меня
И продлевало вечернее
Очарование дня.

Зиму сдвигали к окраине,
Как залежалый товар...
Странно, ты знала заранее,
Что я сказать затевал.

Не торопила мгновения,
Чтобы вернее облечь
Мог я немое волнение
В неколебимую речь.

Эхо всего мироздания
Замерло, чтобы едва
Только услышав признание,
Тут же размножить слова.

Жаром дохнуло и грянуло:
Ну же, давай же, скажи!
Ты с укоризною глянула –
Камень свалился с души.

ВНЕКЛАССНЫЙ УРОК

Усиьем вчерашней метели
Натянут и выровнен март.
Чем ближе подматывал тени,
Тем солнечней выглядел парк,
Где царствовал стрекот и карк,
Пока не нагрянули дети.

За старшим гребут по сугробам,
Послушно таращатся вверх.
Распахнут наглядным пособием
Разлапистый полдень. А снег
Им сыплет с вершин пересверк
С небесным отливом особым.

До шишек в медовых накрапах
Мальчишка, упрямый весьма,
Добрался и солнечный запах
Девчонке вручил, что сама -
Восторг ... и от глаз их зима
Попятилась в темный распадок.

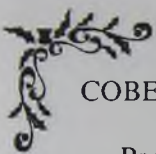
Пока от ватного тепла
Снега мелели,
Не ждал,
Нет, ждал,
Да, ждал тебя –
Дождался еле.

Но застоялась за окном
Парная морось,
Вошли в которую вдвоем,
А вышли – порознь.

Как я метался, как других
Сводил с ума я!
Не оставляй же ни на миг
Меня, родная!

Еще достаточно огня
И век не прожит.
Не жди,
Нет, жди,
Да, жди меня –
Дождешься может.

СОВЕРШЕННО ВЕСЕННЕЕ

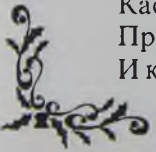
Раскарканная с дерев,
Весна протирает зенки.
Чем шире дверной распев,
Ревнивее взгляд соседки.

На лужах лоскутен хруст,
А лоск обочин чешуйчат.
Шаги мои наизусть
Собаки спросонок учат.

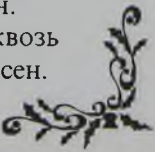
Пока пересвист синиц
Не слит с перецоком капель,
По утру мой путь зернист,
А тени – следы от грабель.

Взрослее гляжу кругом,
Все более сознавая,
Что город не только дом,
А станция узловая.

Зовут стальные пути,
Гудками тревожат ныне,
Как знают, что впереди
Экзамены выпускные.

И тучи проходят, вкось
Касаясь макушек сосен.
Просвечена жизнь насквозь
И каждый миг кровеносен.

Подморозило. И хочется
Поглядеть на звон и сверк,
На источенный игольчато
После оттепели снег.

Перед нами ели вежливо
Лапы сделали по швам.
Стало слякотное месиво
Шипом с хрустом пополам...

Как сочился над макушками
Дождь, покуда я не мог
Капли, путая с веснушками,
Не целовывать со щек.

ТАМ...

Там, в синичьем феврале,
Звезды ледяные.
От поленниц во дворе
Солнечно доныне.
Там в печали снеговой
И дома-то с улы.
На веревке бельевой
Сушатся сосульки.
Там в рождение мое
Каждый год – морозы,
На деревьях воронье
Не меняет позы...
Вместо дома и плетня –
Глушь и ржавь осота.
И по имени меня
Окликает кто-то.

НА РЕКЕ УХ

М. Гаврилову

Даже воробьиной перепалке
Не затмить, что деется в лесах.
Веет волчьим холодом в распадке,
Но пчелиным зноем – в небесах.

Хлопьями лишайника заляпан
Сумрак, не проветренный еще.
Чуть задену и окатит залпом –
Капельно-пернатый перешелк.

Лес поет, не ведая корысти.
Слушаю, насторожились как
Кисточки на лиственнице рысьи
И рябина в мелких гребешках.

На ольхово-хвойном повороте
Что-то остановится в груди
Над обрывом рыжего болота
С зеркалом небесным посреди.

В глубине висит немая птица.
Широта – захватывает дух.
Если перейти его случится,
Выдохну название речки – Ух!

Я бы к ней со всей своей ребячьей
Радостью, но разлилась – никак.
И крыла стрекозьего прозрачней
Светится затопленный лозняк.

Хорошо ходьбой себя намаять
И понять, снимая сапоги,
Что теперь разбуженная память,
До зимы не выйдет из тайги.

Ты знаешь лучше всех,
Когда судьба навыверт,
Что будет наперед.
Сегодня в сердце смех,
А завтра – горький выдох,
А послезавтра – лед.
Его не растопить
Сумятицей стараний.
Теперь наверняка
Он будет в нас саднить
Да от воспоминаний
Подтаивать слегка.

ТРУТОВИК

Вчера еще березы
Взлетали к небесам.
Но, как по тормозам,
Ударили морозы.
И кроны с перепуга
Разделись догола,
От внутренней натуги
Полопалась кора,
В которую, проворен –
И холод не страшит –
Уже вцепился корнем
Какой-то паразит.
Весной поет природа.
А в трещине возник
Из губчатого рода
Нахальный трутовик.
Неистребимо прыткий
Характер у гриба.
Чуть ссадина –
 и титькой
Отвесилась губа.

Ошарашен теплом,
В паутиновой саже,
Снег стоял за углом,
Не выглядывал даже.
По дорогам несло
Шумную мешанину.
Припекало лицо,
Но морозило спину.
Не скупилась весна
На обилие красок,
Понимала, что на
Ее улице праздник.
А тревожной порой,
Ночью шалой от ветра,
Нас смутила не тьмой,
А отсутствием света.

Как независимо и прямо,
Подчеркнуто неуязвимо
Проходит женщина утрами,
Меня не замечая, мимо.

Хранит замшелую обиду.
За что? – не объяснит, наверно.
Но, погоди, навстречу выйду
И поздороваюсь душевно,

Чтоб не испытывать утрами
Вины ничем не объяснимой...
Но женщина прошла, упрямо
Меня не замечая, мимо.

БЕЛКА

Охотник замер – снова белка
Взлетела истою наверх.
И долго-долго, мелко-мелко
Сверкал, просеиваясь, снег.

С утра в заботах материнских
Порхает, ищет семена
В сережках, шишках сахаристых,
Чем в стужу кормится она.

Ни от кого не ждет подачек.
Осенний кончился припас.
И от прицельной стали зайчик
Не поспевал за ней сейчас.

Настороженно инист
Отуманенный март.
Одному мне – на вырост,
А двоим – в аккурат.

Разметало по воле
Солнце синюю ярь.
И привычное – внове,
И желанное – в явь.

И в порыве взаимном
Созидаем весну,
Что на вырост – двоим нам,
И тесна – одному.

Опять на том же месте
Запенилось вовсю
Зловредное семейство –
Пырей, репей, овсюг...

Болтаются в авоське
Паучьей с октября
Обглоданные кости
Стрекоз и комарья.

-Ах, бабушка Настасья,
Несчастье, говорю,
Определили власти
Под снос избу твою.

Никто с веселых грядок
Морковки не сорвет...
Взревет и свой порядок
Бульдозер наведет.

И привыкая к лифту,
Взлетишь до облаков,
Причисленная к лику
Бескровных стариков.

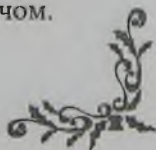
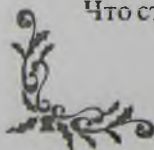
Понедельникдохнул перегаром.
И прикинулась наша весна
В замусоленном, сером и старом
Облаченье – слезливой весьма.

Просвистела шальная сосулька
И разбрызнулась градом у ног.
Богомольного вида бабулька
Прошептала: Господь уберег...

Охватило, почти нестерпимо,
Позабытое счастье – дышать,
Молодое, летящее мимо,
Ускользящее придержать.

Не унять неожиданной веры –
Ничего не случайно в судьбе:
И мохнатые шарики вербы,
И сугроб в ледяной скорлупе,

И колодезный мрак переулка,
Рассеченный небесным лучом,
И пропавшая тихо бабулька,
Что стояла за правым плечом.

Уже озвучен, зеленью
Заявленный, объем.
И тени стали теменью
В ольшаннике рябом.
Шатаемся меж соснами,
Находим, где вкусней,
Несклеванная с осени,
Брусника возле пней.
Наслушаемся певчего
Разноголосья, но
Сердечней человеческого
Не знаем все равно.
Мы узами разумности
Повязаны. И стих,
Как пережиток юности,
Охотничий инстинкт.
Когда слоисто выслана
Туманами вода,
Нас пристальнее выстрела
Заворожит звезда.

Засыпаю под облаком,
Просыпаюсь под тучей.
То разбоем, то обыском
Занят ветер.

Послушай,
Узнаю тебя в шелесте,
Пересыпанном солнцем,
В пору бережной нежности
Между нами.

Искромсан
Грозowymi раскатами
Май в несмелой одежке.
Мы сияем под каплями –
Два горошка на ложке.
И желая слиянного
Счастья в одури летней,
Я кольцо с безымянного
Перекину на средний.

Сыро, мрачно, тепло.
Вместо солнца в рябине
Засветилось пятно
Кружевной паутины.

На неделю, на две ль
Загостило ненастье?
Мухи ломятся в дверь
И жуки разной масти.

И висят, до поры
Незаметные, нагло
Надо мной комары,
Будто спутники НАТО.

Нависла лиственная масса,
Сомкнула аркой берега.
Из перламутрового пляса
Взошло порханье мотылька.

Острей постреливает солнце
От мрачной близости грозы
И переклик пернатых звонче,
Прелестней шелест стрекозы.

Плыву в согласие и покое
С рекой, впадаю в немоту.
И все тревожное, глухое
Ползет до времени по дну.

ХРЕН

Как незаметно вырос и окреп
В сыром углу, на мусоре ихламе,
Мотая долговязыми листьями,
Погрызанными гусеницей, хрен.

Он устоял в немилостивый град,
Палящий зной и ледяные росы.
Попробуй корень – вышибает слезы.
И горек он, и странно сладковат.

От огурца до рыжего гриба –
Солениям с ним не угрожает порча.
Не зря хозяйка утверждает: почва...
А я жду продолжения – судьба.

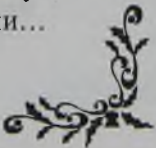
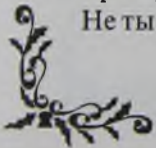
Еще в затаенном своем
Раздумье, державен и нежен,
Теньями сосняк прослоен,
Косыми лучами прорежен.

И нет ничего на земле
Дороже покоя и воли.
Листва на озерном стекле
Примешана к ряби...
Давно ли

С туманной русалкой впотьмах
Сливались в едином дыханье...
Испариной на зеркалах
Подернулись воспоминанья

И дышат осоковой хной
Подробности зябкого счастья...
Но кто-то дорогу за мной
Отправил с мольбой:
возвращайся!

И сердцем – вниманье и слух
На чутком пороге квартиры –
Врасту в скоростной перестук:
Не ты ли, не ты ли, не ты ли...

Замолчишь без причины
И невольно представишь
В мягком плеске рябины
Пляску пальцев и клавиш.

Трепет нем, но запальчив,
А в порывах – неистов.
И смятение пальцев –
Продолжение листьев.

Как ни скрытен и робок,
Ясен в перистом свисте
Полупризрачный облик
Страстного пианиста.

Он внушит в одночасье
Обреченным рябинам –
Потянутся за счастьем,
За крылом журавлиным.

Но судьбу не обманешь.
Осень тяжкие кисти
Свесит к вороху клавиш
Вместо рук пианиста.

Между тремя и пятью
Утренними часами
С призраками и снами
Бодрого чаю попою.

Синяя рань не успев
Порозоветь, померкла...
Что ни приезд – примерка
К дому – семейной судьбе.

Запахи после дождя,
Милые в простодушие,
К воспоминаньям тут же
Бросятся, будто родня -

Та, незабвенная, в ком
Сам остаюсь на свете
Частью - еще на этом,
Частью - уже на том.

ВОСПИТАНИЕ ПАМЯТЬЮ

Едва зачерствелый сугроб во дворе
Расплылся как масло по сковороде
И узкая дымка, подобная йогу,
Легла на верхи по еловому логу,
Повис комарами сплетеный мешок –
Подумалось, так ли уж я одинок?

Случайная бабочка на рукаве -
Внимание сверстницы в школьном кафе.
И приступ смущенья отчаянно чуден,
И странно уверен, что он обоюден.
На шаг не решился, сдержалась она –
И бабочка выпорхнула из окна.

И новая встреча – смятение и страх -
Каленые капли дождя на плечах.
И тот же прилив обожаемой силы,
Едва на меня мимоходом скосила
Глаза с интересом... и день изо дня -
Как ты повзрослел! – убеждала родня.

Довольно рассеян и скрытен весьма,
Я верил, что мне потакала весна,
Что замысел ею желанно разгадан –
И мы оказались пугающе рядом.
Как я оробел, онемел и оглох!
И понял, насколько же я одинок...

Весеннее время вошло в берега,
Над жизнью угрюмо прошли облака.
Но даже сейчас, из отроческой дали
Она меня держит в смятенной печали,
А с нею - досада, укор и любовь...
Стирается память – не старится боль.

В НОЧНОМ БАРЕ

Давно расхватана другими,
Ты всем нужна и никому.
И даже княжеское имя
Мое не помнишь потому.
Слова и жесты – все чужое.
Капризно пробуешь вино...
А то, что ты зовешь душою,
В коробке с куклами давно.

ЗАКОН

Как мне жить, дружить с законом –
Милицейский чин вещал,
Но таким дубовым тоном,
Что обиды не сдержал:
-Может хватит в прошлом рыться
И топить меня в дерьме?
От таких, как ты, не скрыться
Ни на воле, ни в тюрьме.

Время, время...
Не слово – слова
Мямлит в телеке сытая рожа
И артист – из пеленок едва –
Перед ним вылезает из кожи.
И давнишний товарищ, теперь
Неожиданно став господином,
В кресло сел, бронировал дверь
И охранников нанял чин чином.
И куда ни взгляни – детвора
Щеголяет в чужом ширпотребе.
И в кармане зияет дыра,
И растет, как озонная в небе.

В одиночестве желанном
Солнца ждал, но поутру
Дом невиданным туманом
Завалило по трубу –
Синим с запада напитан,
А с востока – золотым...
Не найти меня обидам
И проклятиям твоим.
Но с томительным безвестьем
Не смириться, потому
Я простукиваю сердцем
Путь к прощенью твоему.

От пыли ромашки ослепли
И запах укропа исчез.
Коленчато-бледные стебли
Картошки не вынесли вес
Безмолвного зноя – ослабли.

И ягоды сохнут, не вызрев.
И ждут проливного грибы.
И «скорая» мчится на вызов
Мучительной боли в груди –
И сумрак в подъезде анисов.

Осадком железа в стакане
Задымленно долгий закат.
Замедлено зноем дыханье.
Я – тень и на тени распят,
А тень высыхает на камне.

ИДОЛЫ

Не верой, а поверьями
Силен таежный люд.
Под низкими деревьями
Нас боги стерегут –
Коряжистые идолы,
Раскосы и немые.
Поведали б, что видели,
Да не спросили мы.
Нам далеко до Господа,
А эти – к лику лик...
Но говорить что попадая,
Не помышляй при них.
А то не поохотишься,
Хотя и дичь близка.
Уйдешь и не воротишься,
И не пойдут искать.

Эх, ударила б хорошим
Проливным по засухе!
Ходит туча, горсть горошин
Бросит из-за пазухи,

Поворчит, грома помечет,
Пыль закрутит до небу...
Разве туче поперечит
Среди лета кто-нибудь?

В полверсте остановилась —
Мялась, злилась, маялась...
К ночи ливнем разразилась,
Будто в чем отчаялась.

Слепит листва, приобретая
Звоняще утренний оттенок.
И солнце, тень передвигая,
Сбрасывает иней со ступенек.

И звезды, собранные в бочке,
Темно мерцают от излишка.
И хмарью марлевой на почве
Колышет легкая одышка.

Оттаяв, горечью запахла
Рябина в бликах паутинных.
Висит копеечная капля –
Зато сверкает, как полтинник.

Кому приятель, а кому – чужой
На жадной и тяжелой вечеринке
Он женщину назвал своей женой,
Сошелся с ее мужем в поединке
И чуть не поплатился головой.

Как ни обижен, ни разгорячен
Развязанными водкой языками,
Он правым двери выдавил плечом
Пока за левое хватался руками,
Нахальными и сальными причем.

И сразу превратился в темноте
В слепящий облак леденящей пыли.
И те, кто отпустил его и те,
Кто ждал его далече, позабыли:
Зачем он им и мучается где?

Поземисто-морозным сквозняком
Пронизывало с северо-востока...
А женщина летала над столом,
То в зеркало смеялась одиноко,
То затихала в думах ни о ком.

На ветвистой стуже,
Хвойной крутизне
Солнце в полукружье
Яблоком в гнезде.

Снег обточен ветром,
Блеском остеклен.
И бежит по веткам
Судорожный звон.

Но причин особых
Для восторга нет.
По зиме бок о бок
Проминаем след.

В сумеречно-ранний
И ранимый час
Даль воспоминаний
Распахнула нас.

Небо сыплет синью
С елей кружевных.
И единой жизнью
Взвешен каждый миг.

И хотел бы не слушать молву,
И не видеть твоей укоризны,
Но попали в такую волну,
Что не каждому вынести в жизни.

Ты из сплетен была сплетена,
Я был создан из славы не хуже.
Полюбили! В чем наша вина?
Но Всевышний заткнул свои уши.

Что ни делаем, наперехват
Нам бегут суетливые тени.
Что ни скажем, умножат стократ,
Перевернут, донесут и хотят
За свое же вранье объяснений.

Стерегут тебя: семь раз отмерь...
Мне внушают: летаешь высоко...
Кто же, кто же за нами теперь
Вездесуще следит вместо Бога?

Не был я еще таким
Отрезвленным лишне
Перед ветреным твоим
Отношеньем к жизни.

Разлинеила судьбу
По тетради в клетку...
И без жалости в саду
Обломила ветку.

И теперь – не озаботь
Сквозняком известий –
Разжимается шепоть
Вишennых соцветий,

Ожила взаимосвязь
Завязи и вазы...
А за окнами, змеясь,
Снег метет по грязи.

Доживем ли до любви,
О которой в жизни
Рассуждения твои
Кино-теле-книжны.

Нежен вешний аромат
В комнате и странно
Дополняет наш роман
Сном самообмана.

БОЛЬШЕВИК

Переломил газету пополам –
Страна в раздрае, мафиях и взятках.
И заходил по крашеным полам
В носках, едва заштопанных на пятках.

Над церковью, что бурьяном поросла,
Колокола слышались как будто...
И мысль на душу грешная легла
О новом беспощадном русском бунте...

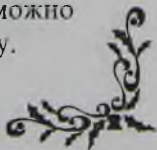
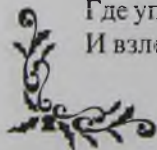
Бессмысленном, припомнил... по углам
Пошарил взглядом в поисках чего-то.
И снова посмотрел на Божий храм,
Не восстановленный с 17-го года.

ПРИЮТ

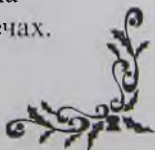
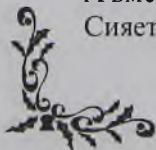
Не осталось надежды на счастье.
В мире страха, обиды и зла
Не судьба, а беда их, отчасти,
В этом странном приюте свела.
Ходят по коридорам, как тени.
Вон старуха, немая совсем.
Вон старик, у которого деньги
В свой карман положил МММ.
Вон девчонка, которую хамы,
Изнасилив, лишили ума.
К ней приходит усталая мама
И стирает белье от дерьма.
Вон афганец, никак не вернется
С никому не понятной войны.
А когда, обессилев, проснется,
Начинает рассказывать сны...
А когда посетит просветленье
И летят на сиянье свечи
Со шприцом в разбухающей вене,
Как архангелы смотрят врачи.
И куда-то везут осторожно,
Погружают в спящую тьму,
Где упасть никогда невозможно
И взлететь не дано никому.

ПОЛНОЛУНЬЕ

Ты все еще испуган, не привык
Смотреть, не опуская глаз,
Как на култых мозолистых мужик
Карабкается зло на унитаз.
Как девушка, в себя погружена,
По лестнице снует то вниз, то вверх.
И в пол-окна дебильная луна
Наводит ужас и тоску на всех.
Почти что нереальные в углу
Сквозят в табачном дыме пацаны,
Что в школе еще сели на иглу,
Спасть от необъявленной войны.
И раздраженно-первные с утра,
В ответ на осуждение и укор
Взрываются, покуда медсестра
Не всадит им смирительный укол.
И жалко их невинного отца,
Признался, бедолага, на суде,
Что выследив, поджег наркодельца,
Откормленного на его беде.
Подросток у полночного окна
Забьлся в полугрезах-полуснах,
А вместо головы его – луна
Сияет на ссутуленных плечах.

Нет у России друзей –
Стало с годами понятней.
Чем с должниками добрей,
Тем кредиторы нещадней.
В эту посмотришь и в ту
Сторону – прежнее братство
Более чем нищету
Нам не прощает богатства.

ВОЖДЬ

Толпа желает стать народом.
Народ не хочет быть толпой.
И год от года, год от года
Мрачнее небо над страной.
Растет чернобыльская яма,
От гари кашляет Урал...
Вождю на митингах упрямо
Толпа поет: Ура! Ура!
Его слова пьяней отравы
Для тех, кто низок и жесток.
Вожди всегда толпою правят.
Народом правит только Бог.

Под знаком Рыбы в год Змеи,
За десять дней до смерти Сталина,
Отца из лагерной зимы
Окликнул я и смолк подавленно –
Мать грудью мне заткнула рот...
За августом с дождями долгими
Он по амнистии придет
И обожжет глазами горькими.
Вобьет под прилоку гвоздь,
Повесит колыбель плетеную
И раскачает между звезд
Мою планету полусонную.
Где странствовал? Куда взлетал?
Срывался в бездны неизвестные?
Но бас отцовский возвращал
Всегда в родное равновесие...
Заботы не могли избыть
В глазах его угрюмой горести.
Однажды перетерлась нить
И я сполна хлебнул бездомности.
Да, что я разумел, пацан,
Когда среди застолья тесного
Он запускать в окно стакан
И начиналось сумасшествие...
Мрачнела даль от воронья,
Друзья ножи лихие прятали...
И кочевала жизнь моя
Из рук отцовых в руки матери....

Взрывы, крики и вой,
И составы в искромсанной темени...
Расшвыряло войной
Корневище славянского племени.
Где вы, тетки мои?
Где вы, дядьки? В Сибири? В Канаде ли?
Свою долю вины
Не могу допроситься у матери.
Кто расстрелян? Забыт?
Или сослан? Пошарься по памяти!
От бессилья знобит
Твое сердце над белыми пятнами.
Там – седые юнцы,
Здесь – невесты, что стали старухами.
И с концами концы
Не свести в мире полном разлуками.

Тишина удерживала листья,
Долго не давала развалиться
По осколкам солнечным сосудам –
Тополям и ясеням,
Покуда
Под напором ветра не распались
До листа...
А трещины остались.

Вафельный похруст паркета.
Гостиничная тоска
Ходит по лезвию света,
Шатаясь от сквозняка.

Люди – и сверху, и снизу.
Не вынести тишину!
И прикормил, как синицу,
Звезду к своему окну.

Гляну в немое бездонье –
И черновики порву.
Голову брошу в ладони –
Во имя чего живу?

Сколько событий былого
Сгорело в живом огне,
Чтоб со звездою слово
Перекликалось во мне.

Прости досадную промашку –
На месте памятной тайги,
Гвоздями вбитыми по шляпку,
В кипрейной кипени - пеньки.
Ни голубики, ни лисичек,
Ни, более того, примет
Ребячьей вольницы... и спичек,
Воспоминанья выжечь, нет.

РЫНОК

Золотая пыль на окнах.
На прилавках ворох мух.
Бабка в ахах, дедка в охах –
Кто их внуку дал хурму?

Старики такие фрукты
Не видали, отродясь.
Но попробовали: ух ты! –
Кушай внучек, эка сласть!

Азиаты машут пылко,
Рад-стараются – купи!
Тихо вытеснили с рынка
Наши ягоды-грибы...

СТОРОЖ

Хребтовые извилины метели
Спрямили лесовозы, прогудели
В рассерженную ночь порожняком.
Небритый сторож, не молчится деду,
Желает завязать со мной беседу.
Он здесь со всеми коротко знаком.

Вздыхает: да, работали мы раньше...
В другой бы раз послал его подальше.
А нынче, делать нечего, молчу.
Поддакиваю деду отрешенно:
Дожили до асфальта и бетона
И новичкам морозы по плечу.

А было, было... Маялись на стуже
И под машиной ползали на пузе,
Выхлебывали сапогами грязь.
К мозолям примерзали монтировки
И не хватало на зиму спецовки,
И на медали не скупилась власть.

Характер замесило бездорожье -
Не совместимый с подлостью и ложью,
Почетен был и уважаем труд.
Да, пили мы не только ключевую.
Когда прозябнем до соплей в ночную,
Не аспирин глотали от простуд.

Горбатились упрямые, как черти.
Не верите? – по трудовой проверьте.
От благодарностей разлопалась она.
Меня другое мучает – как много
Перенесла, перевезла дорога,
А почему же не вылазим из дерьма?

Куда ушло, куда все подевалось?
Пропало, что заначили на старость –
Не я один нанялся сторожить.
И жизнь прошла. Обидно мне, однако,
Что воры, проходимцы и деляги
Сегодня мне советуют как жить...

Я в нем узнал с досадною тревогой
Шофера, одержимого дорогой,
Героя здешних лесовозных трасс.
Из-под седой колючистой щетины
Проглядывали резкие морщины,
Идущие почти от самых глаз.

Он замолчал, в полночное уставясь,
И машинально пальцами пытаюсь,
Срываясь на отчаянье и злость.
Из подоконника с тоской натужной
Согнуть упрямо, выдернуть ненужный,
Как боль из сердца, заржавелый гвоздь.

СЫРОЕЖКИ

С причмоком почвой всосаны
Дожди грибного времени.
Но белых, тем не менее,
Я не нашел под соснами.
Не встретил под осинами,
Березами и елками.
Зато столкнулся с синими,
Зелеными и желтыми
Простыми сыроежками.
Внаклонку с передышками,
Вприсядку с перебежками
Набрал корзину с лишком и...
Пусть ахают домашние
И даже теща старая,
Что я грибы на мшанике,
Как пуговицы спарывал.
На кухне тесно запаху
Лесной особой свежести...
Хотите, жарьте к завтраку,
А нет – сырыми ешьте!

Как только выдохнул хрипяще,
Не крик растянутый, а стон
И сотни голосов из чащи
Откликнулись со всех сторон,
Меня сама нашла дорога.
Разгреб над лужей небеса
И страшными глазами Бога
Смотрел, смотрел в свои глаза,
Пока от жадного дыханья
Не искривился божий лик.
И не возникло пониманье
Единственности у двоих.

БЕЛЫЙ СОН

Облака шатает с боку на бок –
То дождем окатят, то крупой.
И черемуха стряхнула запах
Вместе с лепестковой чепухой.

Белыми холодными ночами
Забываюсь в зябком полусне...
Вспыхнешь обнаженными плечами
И плывешь заманчиво ко мне.

Не колыша трав и не сминая,
Из туманно девственной глуши
Подойдешь, дыханьем обжигая:
- Как ты меня любишь, расскажи?

А глаза полны такою болью
И таким отчаяньем горят,
Что тону в них со своей любовью
И едва ли выплыву назад.

- Разве можно рассказать об этом? -
Обнимая с нежностью, шепчу.
Но сквозь душу протекаешь светом,
Лунному подобная лучу...

Снова день и ветренен, и зябок,
Непонятно из чего рожден –
Облака шатают с боку на бок –
То крупой осыпят, то дождем.

На душе тревожно и туманно,
И неверен слух, и нет огня...
Только сон и ты в нем постоянна,
И неуловима для меня.

Может случайно прохожий
Вынет из плотного мха
Камень на сердце похожий
И поразится слегка,
Что животворные корни
И капиллярная сеть
Нежной планеты упорно
Взялись его отогреть
И растворить в перелесье,
И рассосать под землей
Боль, обратившую сердце
В камень, оставленный мной.

Мы настолько с тобою похожи,
Что решил по своей простоте,
Кто тебя ненавидели, те
И меня ненавидели тоже.

Но служило одно утешеньем,
Что возможно и наоборот:
Кто ко мне с уважением, тот
И к тебе относился с почтеньем.

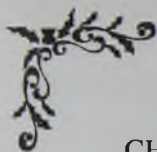
Но когда неуступчиво спорим
С ядовитым смешком на устах,
Мы похожи горячностью так,
Как похожи упрямый с упорным.

...еще неделя отпуска –
Ни водки на столе,
Ни перистого оттиска
Мороза на стекле,
Ни лиственной сумятицы,
Ни мелочной вражды –
От пятницы до пятницы
Дожди, дожди, дожди.
С упорством археолога
К черновикам бреду...
И лезет кот от холода
Под мышку поутру.

СНЕГ В АВГУСТЕ

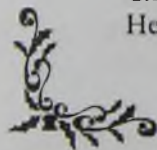
Август искренне растерян –
Предсказаниям вопреки
С неба – белые на сером,
Удлиненные мазки.

Снег залатывает тени,
Прилипает к тополям.
В доме, трогая колени,
Ходит холод по полам.

Как размашисто и зябко,
Неожиданно – зима!
Выхожу встречать и шапка
В руки бросится сама.

Понимаю, выюга – только
Зимней памяти глоток,
Наше лето ненадолго
Остудил переполох,

Где капуста от мороза
В ста одежках замерла,
Словно гипсовая роза,
Несестественно бела.

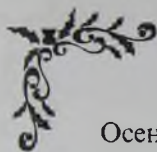
КОЧАН

Синевато-матов от натуги,
Многokrатно листьями обжат...
Мне бы взять себя в такие руки,
Чтобы не испытывал я муки,
Видя, как глаза твои дрожат.

Но порой подкатывает ярость –
Как сосредоточенно мрачна,
С кухонною участью смиряясь,
Обрываешь листья, подбираясь
К самой сердцевине кочана.

Сделаем, родная, передышку,
Осень полистаем и пойдем,
Что и в ней веселого не лишку.
На двоих разделим кочерыжку
И давай: кто громче! – погрызем.

Осень проветрена досуха
После дождей напролет.
У семенного подсолнуха
Кладка поленничных сот.

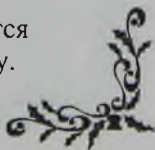
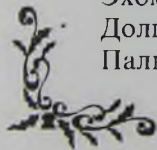
Не угадав, что окраина
Вязнет в дорожном желе,
Внуки соседа-крестьянина
Прибыли на «шевроле».

Вспомнили сказку, которая
Про корешки да вершки.
Их с урожаем картофеля
Важно обступят мешки.

Деду, лукавому олуху,
Щедро плеснут коньяку,
С маху открутит подсолнуху
Собственноручно башку.

К милым потехам готовому,
Деду не жаль ничего.
Вырвет из грядки морковину:
Вот бы... да вместо свово...

С хохотом выхлоп рассеется,
Эхом растает в лесу.
Долго старик не осмелится
Пальцем потрогать слезу.

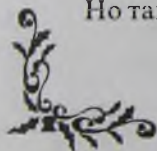
ВИДЕНИЕ ХРАМА

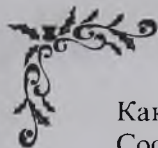
От бабьего лета и до Покрова
Иконно смиренная осень
На ярмарках покрасовалась едва
И стала прозрачною вовсе.
Лучась благодатью,
Поведал старик –
Монах ли, прораб ли, блаженный? --
О храме,
Который без веры воздвиг,
И стал ему раной душевной.
Отныне пророчит,
Упрям и весом,
И ни от кого не зависим,
Что вскоре разрушим,
А верой спасем,
И только любовью возвысим.
Рукой указал
И увиделся Храм,
Резьба по кирпичным карнизам...
И странно реальный
Строительный кран
В святое видение вписан.

Он долго, томительно долго
Долбил в открытую дверь.
И взглядом матерого волка
Сверлил мою душу: поверь,
Поэты не ангелы – бесы,
Что грохнулись с неба в дерьмо...
Глаза поднимал в поднебесье:
Как холодно там и темно!
Я видел, как дик и подробен
Его мефистофельский лик...
Продай свою тень – и свободен!
Но кто ее купит, старик?
Я выпустил нить разговора,
Следил, как идет сам собой
Процесс напыления узора
На стекла вечерней порой.
Давно были вымыты окна.
Разводы от тряпки сейчас
Опять превратились в волокна
Серебряной пряжи, в пейзаж
С лебяжьими звездами в рощах...
Три месяца в рамках окон
Творит своевольный художник.
Но так ли свободен и он?

Как столетие назад
Сосны жарки и царапки,
На пригреве у маслят
С полкартофелины шляпки.

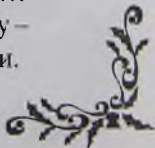
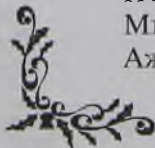
А глухарь, тяжел и сыт,
С ветки снимется и долог
Лиственничный пересып
Мягких солнечных иголок.

Затянуло память мхом.
С маху не соображаем,
Где плутаем с лесником,
Вечным дедушкой Мазаем?

Месим грязь, считаем пни,
Планы, брошенные в спехе...
Нам не выйти из страны,
Что гремела в прошлом веке.

Нас давно забыла власть
В суматошном – врать и жулить,
Потому что ни украсть
Мы и не покараулить.

Нам одна судьба – в тайгу,
И хранить себя подоле...
Мимоходом ель пригну –
Аж поморщится от боли.

На еловых лапах лес
Взвешивает небо –
Оседающий замес
Птиц, дождя и снега.
Тяжелеет ватный свет
Свежей стужей вея,
Зябнут – кто во что одет –
Нищие деревья.
Что-то слишком далеко
Забрела в нас осень.
Нет, как пулям в «молоко»,
Отклика вопросам.
Впрочем, осень не суди,
Замыкаясь глуше,
Дважды в реку не войти,
А друг другу в душу.

Накрыло туманным теплом –
Тревожно повеяло прошлым.
Мотает малинник тряпьем
На ветхие листья похожим.

По-жабьи прижалось в тени,
Что было вчера еще снегом.
Капризно рассеянны дни
И ватно прихлопнуты небом.

С возвратом постылых забот
Немедлен апрель и настырен:
И дождь с потолка, и забор
Вороньим крылом растопырен,

И сад до того неказист
В парном перегное и сыри,
Что щебет пернатых и свист,
Как из параллельного мира, -

Где невозмутимо легко,
А мысли о счастье излишни.
Там я далеко-далеко,
И в прошлой,
и в будущей жизни.

Буреломы – угодя ведьмины
С мешковатой зыбью болот.
Короедами пни изъедены
До структуры пчелиных сот.

Их медведь разворочал лапами,
Рыскал, чем поживиться бы.
А коряги клешнями крабьими
Подгребают к себе грибы.

И когда, обходя валежины,
Заглянул под одну из них,
Подавляя восторг, разнеженно
На колени упал грибник.

Что бы ветер ни выделявал с листвою –
С боку на бок перечесывал, с дождем
Суматошно перемешивал, а той,
Терпеливо молчаливой, нипочем.

Только в августе заропщет, между тем
Как душа в своих сомненьях начеку,
Неожиданно смиряется, но с чем? –
Одновременно противясь, но чему?

В голове еще стоит гуденье пчел
И река за паутинным молоком,
И стихи, что даже другу не прочел,
С подоконника смахнуло сквозняком.

Возвратятся, только заново начну
Перелистывать былое день за днем,
Безоглядно восторгаясь, но чему? -
Одновременно печалюсь, но о чем?

Жизнь прошла.

И вырос бор

В пересвисте птичьим.

Разрешился долгий спор

Вальщика с лесничим.

Было время – нарасхват

Шла тайга...

В итоге

За маслятами спешат

По одной дороге,

Но по разным сторонам,

Все еще серчая...

Улетел архивный хлам

С дымом иван-чая.

И дорог как таковых

Тоже не осталось.

Вырос бор, чтоб вас двоих

Примирить на старость.

ПУХ

Парил с ленивым сверком,
Рожденный в тополях,
Заполнил лужи с верхом,
И комкался в углах.

А в переулках наших
Ждал, взрывчато лукав,
Придерживать спешащих,
Цепляясь за рукав.

Растянут на недели
Замедленный полет.
Выталкиваю в двери,
А пух в окно плывет.

На грани равнодушья
Удерживаю жизнь –
Не суетись, не дуйся,
Не дергайся, не злись!

Оставил дом – углы для паутины,
Чердак для птиц, подполье для мышей...
Куда ни встанет в доме, середины
Не ощущал ни в мире, ни в душе.

Ни топору, ни верному рубанку
Не рассудить душевные дела.
И сбросил с плеч рабочую рубашку,
В которой мать счастливым родила.

И пошагал через холмы и поле,
Нужду и горе к Спасу на крови.
У храма оглянулся поневоле
На голос дома – брошенной любви.

Дом окнами сиял, цвели ромашки
И сын крутил педали по двору,
И обнимала женщину рубашка
Пустыми рукавами на ветру.

СТИХОТВОРЕНИЕ

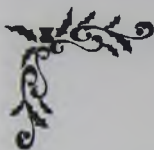
Ночью снег почти невидим.
Только марлевая мгла,
Только по щекам небритым
Холодящий мах крыла.

Только ты из поля зренья,
Заволакиваясь в тишь,
На поля стихотворенья
Перебраться норовишь.

Погоди же, там деревья
Бестелесые давно,
Перемалывает время,
Чему сбыться не дано.

Там видения былого,
Наши мысли и дела,
Отчужденные от слова –
Белый пепел и зола.

Не спеши за грань забвенья,
Оглянись через плечо,
И размер стихотворенья
Удлиню на слог еще.

Но дыханья не замедлишь,
Заволакиваясь в тьму.
Потому ли, что ты не веришь
Больше слову моему?..

Если встретимся наутро
С первой строчкой февраля,
Погляди светло и мудро,
Как чисты мои поля.

В ДЕКАБРЕ

Едва за полдень – вечераю,
Болтливой сутолокой сыт.
И дым, вытягивая шею
Перед закатом, сановит.
Шаги пронзительнее вскарка,
Увеличительно чисты.
И спор бригады в автопарке
Полмира слушает почти.
Пропах этилом от опилок
Мороз и страхами тайги.
А мимо с грохотом копилок
Летят маршрутные такси.
Скорее с улицы – за угол,
Где тополь в инистом пуху
Над крышей облачно округл,
Еще с румянцем на боку.
Минута и сверну к подъезду.
Глаза привычно подниму,
Увижу вместо неба – бездну.
И в душу самую приму
Манящее мерцанье тайны
В невыразимой светизне –
Как одинока и случайна
Жизнь человека на земле.

От берега к берегу перебегала
Пугливая рябь, но когда
Слоились косые лучи из прогала,
Листве подражала вода –
Огнем полыхала,
 и зыбь лягушачья
Немела в прицеле ужа...
И осень со всеми оттенками счастья
Приблизилась, словно душа,
И оторопела за миг до слиянья.
И тщетно пытаюсь извлечь
Из давнего смутного воспоминанья
И облик желанный, и речь,
И хвойную синь, и веселую камедь,
И лес, и туман вдальеке...
И время несет в тридесатую память
За тридевять лет по реке.

Е.-М-у

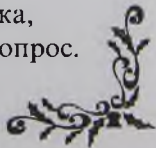
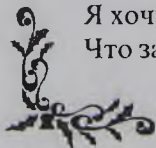
Голова уже в реденькой дымке.
Но остались с проклятых времен
В разговоре и бабьи ужимки,
И плаксиво-просительный тон.

Будто время тебе по заслугам
Не воздало доныне, зато
Я спросил, почему тебя другом
Называть не желает никто,

Почему в окружении близком
Вспоминают, как некий нахал
Перед властью заискивал слишком,
Шею гнул и ковры расстилал?

Нам порывы завистливой лести
Были странными со стороны.
Потому твоей искренней песне
Не давали высокой цены.

А теперь, когда прожил полвека,
И сидишь оглушенно тверез,
Я хочу разглядеть человека,
Что заплакал в ответ на вопрос.

СИНИЦА

Широко и размашисто слишком
Просверкал по лесам проливной.
Разогнал по замшелым подмышкам
Комариный, назойливый зной.

И в душе посвежело, и точен
С маху взятый синицей восторг.
Покатались бодрее картошин
Боровые грибы на припек.

Под корягой огонь раздышали –
Боязлив он, а пень сыроват -
И дымка невесомые шали
По березкам пошли нарасхват.

Что не смыло небесным потоком,
То в земном догорело огне.
Не смутить бы теперь ненароком
Благодатную ясность во мне...

И домой!

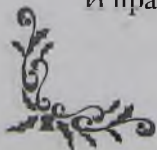
Иномаркам без страху
Обгонять мою «Ниву» дано.
Если б верил, что деньги не пахнут,
То на «ВАЗ» бы я плюнул давно.

И нашел способ тысяча первый
Жить – богат, хамоват и мордаст.
Только совесть, известная стерва,
Спать спокойно, пожалуй, не даст.

Город быстро меняет свой облик,
Ввысь растет созидательно свеж,
Где с баракom советским бок о бок
Торжествует нахально коттедж.

Не читал бы газет, не смотрел бы
Бестолковые шоу ТВ,
То свое, не в своей как тарелке,
Не держал бы в своей голове,

Не стремился – куда бы укрыться:
Тут - вранье, там - заносчивый бред...
Но слышал, запела синица -
И правдивее голоса нет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вошел, как по ступеням...</i>	4
<i>На отмели малька...</i>	5
<i>Полночь</i>	6
<i>Советский</i>	7
<i>Праздник оттепели первой...</i>	8
<i>Пахнет сеном сырым...</i>	9
<i>Закатом леса опоясаны...</i>	10
<i>Засохли старые березы...</i>	11
<i>В машине</i>	12
<i>Ранняя весна</i>	13
<i>Двустволка за плечом...</i>	14
<i>Ель</i>	15
<i>Бескровное дерево вскрикнет...</i>	16
<i>Рассеянно сыпет...</i>	17
<i>Ласточки по берегу стелились...</i>	18
<i>Иней выбелил осоку...</i>	19
<i>В зеленой картофельной грядке...</i>	20
<i>Возраст</i>	21
<i>Громкий мороз. Путей...</i>	22
<i>Весной на реке</i>	23
<i>Зеленые выплески листьев...</i>	24
<i>Пряатель</i>	25

<i>Из лета, бродя палегке...</i>	26
<i>Март азартно сверкал...</i>	27
<i>В обход – далеко излишне...</i>	28
<i>Затянуло сырым и тяжёлым...</i>	29
<i>Поселок</i>	30
<i>Болото</i>	31
<i>Бывает, загрущу...</i>	32
<i>Водитель простуженно клял...</i>	33
<i>Дрова</i>	34
<i>Карликовые березы</i>	35
<i>Снова с августа, почти...</i>	36
<i>Четыре осени...</i>	37
<i>Еще</i>	40
<i>Бобыль</i>	41
<i>Инвалид</i>	42
<i>Примирение</i>	43
<i>У костра</i>	44
<i>Зима, едва в подлеске синем...</i>	45
<i>Ночь стоит на полуслове...</i>	46
<i>Пока</i>	47
<i>Молочно-пушистый березовый март...</i>	49
<i>Свежего снега свечение...</i>	50
<i>Внеклассный урок</i>	51

<i>Пока от ватного тепла...</i>	52
<i>Совершенно весеннее</i>	53
<i>Подморозило.</i>	54
<i>Там...</i>	55
<i>На реке Ух</i>	56
<i>Ты знаешь лучшие всех...</i>	58
<i>Трутовик</i>	59
<i>Ошарашен теплом...</i>	60
<i>Как независимо и прямо...</i>	61
<i>Белка</i>	62
<i>Настороженно инист...</i>	63
<i>Опять на том же месте...</i>	64
<i>Понедельникдохнул перегаром...</i>	65
<i>Уже озвучен, зеленью...</i>	66
<i>Засыпаю под облаком...</i>	67
<i>Сыро, мрачно, тепло...</i>	68
<i>Нависла листовенная масса...</i>	69
<i>Хрен</i>	70
<i>Еще в затаенном своем...</i>	71
<i>Замолчишь без причины...</i>	72
<i>Между тремя и пятью...</i>	73
<i>Воспитание памятью</i>	74
<i>В почном баре</i>	76

<i>Закон</i>	77
<i>Время, время...</i>	78
<i>В одиночестве эсепанном...</i>	79
<i>От пыли ромашки ослепли...</i>	80
<i>Идолы</i>	81
<i>Эх, ударила б хорошим...</i>	82
<i>Слепит листва, приобретаая...</i>	83
<i>Кому приятель, а кому — чужой...</i>	84
<i>На ветвистой стуже...</i>	85
<i>И хотел бы не слушать молву...</i>	86
<i>Не был я еще таким...</i>	87
<i>Большевик</i>	88
<i>Приют</i>	89
<i>Полнолуние</i>	90
<i>Нет у России друзей...</i>	91
<i>Воеждь</i>	92
<i>Под знаком Рыбы в год Змеи...</i>	93
<i>Взрывы, крики и вой...</i>	94
<i>Тишина удерживала листья...</i>	95
<i>Вафельный похруст паркета...</i>	96
<i>Прости досадную промашку...</i>	97
<i>Рынок</i>	98
<i>Сторож</i>	99

<i>Сыроежски</i>	102
<i>Как только выдохнул хрипяще...</i>	103
<i>Белый сон</i>	104
<i>Может случайно прохожий...</i>	106
<i>Мы настолько с тобою похожи...</i>	107
<i>...еще неделя отпуска</i>	108
<i>Снег в августе</i>	109
<i>Кочан</i>	110
<i>Осень проветрена досуха...</i>	111
<i>Видение храма</i>	112
<i>Он долго, томительно долго...</i>	113
<i>Как столетие назад...</i>	114
<i>На еловых лапах лес...</i>	115
<i>Накрыло туманным теплом...</i>	116
<i>Буреломы – угожья ведьмины...</i>	117
<i>Что бы ветер ни выделявал...</i>	118
<i>Жизнь прошла. И вырос бор...</i>	119
<i>Пух</i>	120
<i>Оставил дом – углы для паутины...</i>	121
<i>Стихотворение</i>	122
<i>В декабре</i>	124
<i>От берега к берегу...</i>	125
<i>Голова уже в реденькой дымке...</i>	126
<i>Синица</i>	127

Владимир Михайлович Волковец

Одно-единственное...

Стихи

В авторской редакции

Художник-дизайнер
Дмитрий Трифонов

Сдано в набор 10.02.2005 г.

Подписано в печать 25.02.2005 г.

Формат 70/90 1/32. Печать офсетная.

Условных печатных листов 3.8

Тираж 500. Заказ 4676.

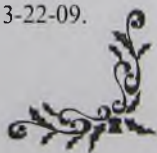
Лицензия ИД № 1441 от 05. 04. 2000 г.

Отпечатано в ГП "Советская типография".

628240, ХМАО-Югра, Тюменская область,

г. Советский, ул. 50 лет Пионерии, 11 "в",

Тел. (34675) 3-18-02, тел/факс 3-22-09.

Для заметок

Для заметок

075522013

Государственная библиотека Югры

